

СОБСТВЕННОСТЬ МАГА

АНИ КЕЕВА БРУХИТА ПЕЛИРОХА

18+

— часть 1 —

Ани Кеева

Собственность мага

<https://litres.ru/74693897>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, ведьм жгут на кострах. Врут.

Во-первых, это негигиенично. Дым, запах паленого, жалобы соседей на копоть. Академия — серьезное заведение, у нас для таких случаев есть "Витрувианские лианы" в лесу и ритуальные ножи. Чисто, быстро, по уставу. Во-вторых, ведьмами нас называют только первокурсники и заезжие барды.

В ведомости я числюсь как "Травница, 3 курс, проблемная".

Меня зовут Лирэнна. И если вы держите эту книгу в руках, значит, мой план с "идеальной маскировкой" всё-таки провалился. Спойлер: это была очень долгая ночь, после которой я перестала быть собой. Навсегда.

Она началась с желания, которое я задолжала безумной стерве, а закончилась тем, что какой-то рогатый мужик в маске козла зашивал мне ворот платья, пока под рубашкой горело клеймо собственности. А ведь я просто хотела получить диплом и умереть от скуки. Но давайте по порядку. Всё началось с того, что я случайно пролила на себя приворотное зелье...

Содержание

Собственность мага	4
Глава 1.	6
Глава 2	18
Г	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ани Кеева

Собственность мага

Собственность мага

Пролог

Говорят, ведьм жгут на кострах. Врут.

Во-первых, это негигиенично. Дым, запах паленого, жалобы соседей на копоть. Академия — серьезное заведение, у нас для таких случаев есть "Витрувианские лианы" в лесу и ритуальные ножи. Чисто, быстро, по уставу. Во-вторых, ведьмами нас называют только первокурсники и заезжие барды. В ведомости я числюсь как "Травница, 3 курс, проблемная".

Меня зовут Лирэнна. И если вы держите эту книгу в руках, значит, мой план с "идеальной маскировкой" всё-таки провалился. Спойлер: это была очень долгая ночь, после которой я перестала быть собой. Навсегда.

Она началась с желания, которое я задолжала безумной стерве, а закончилась тем, что какой-то рогатый мужик в маске козла зашивал мне ворот платья, пока под рубашкой горело клеймо собственности. А ведь я просто хотела получить диплом и умереть от скуки. Но давайте по порядку. Всё

началось с того, что я случайно пролила на себя приворотное зелье...

Глава 1.

Травница без будущего

Спать хочется больше, чем жить. На добротных деревянных столах ранней утренней аудитории уже стоят котлы. Медные бока начищены до неловкого, тошнотворного блеска. Кто-то из первокурсников, видимо, тер их всю ночь — такая форма задабривания судьбы перед экзаменом. И видимо, именно это сыграло со мной ту самую злую шутку.

В воздухе витает вязкая, осязаемая скука. В котлах уже булькает универсальный растительный экстракт, источая довольно едкую вонь, которая намертво впивается в мою почти новую кожаную куртку. Это тот самый первичный бульон, на котором держится половина зельеварения. По запаху — точь-в-точь как «Зелье стойкого похмелья», которое кто-то уже переварил и вернул обратно. Мы, травники, зовем его просто «Похмельный кисель». Интересно, зачтут ли нам экзамен, если мы просто сдадим преподавателю остатки этого варева?

Запах прилипает к моей юбке на грани приличий... Хотя нет, сама юбка грани приличий не переходит, а вот запах..!

А вот дурацкую шляпку на моей голове мне совершенно не жалко. Я её терпеть не могу: она натирает макушку, но её зачем-то носят все студенты-травники!

Самое противное — страдают и мои умопомрачительные ботинки на шнуровке. А я ведь, между прочим, отдала за них всю стипендию! Опрометчиво? Безусловно. Но попробуйте найти обувь, которая одновременно делает ноги длиннее аж на десять сантиметров и позволяет эффектно пнуть стражника под коленку, когда погоня станет слишком жаркой. Красота требует не только жертв, но и правильной геометрии.

Это стандартная форма нашего класса. У юношей брюки, разумеется. И ботинки обычные. Скучные, плоские, для людей без фантазии.

Правильная ведьма, будучи студенткой, получив стипендию, купила бы себе зачарованный гримуар, годовой абонемент в алхимическую лавку и туфли под цвет формы. И еще, пожалуй, нормальной еды. А то кормят здесь, мягко говоря, будто мы хрупкие эльфийки, а не хронически недосыпающие ведьмы. Может, это специально? Чтобы метла под нами не переломилась от тяжести бутерброда с колбасой? В любом случае, местная столовая — это кулинарный терроризм.

Поэтому я подрабатываю в «Чешуе дракона». Ирония в том, что хозяин заведения — жуткий драконофоб. Терпеть не может даже детенышей, хотя они такие милахи, пока не плюются кислотой. Зато там всегда нужны лишние руки, чтобы отмывать столы от... всего. И деньги за учебу какие-никакие собираются, и голодать не приходится. Отмывать дубовые столешницы от последствий драконьей паники

— это, знаете ли, отличная медитация.

Так вот, я ведьма неправильная. Учебники за третий курс я прочитала еще на втором, и теперь они у меня вместо прессы для гербария и подпорки под ножку шатающегося стола. А травы я предпочитаю собирать сама. Не из-за великой любви к природе, а потому что эти шарлатаны-перекупщики с «Маги-экспресса» дерут втридорога за чахлые веточки, собранные кривыми загребалами не в ту фазу луны! А те, кто покупает это сено, потом чему-то удивляются. Мол, вместо приворотного вышло зелье отворотное, и объект воздыханий после таких возлияний мечтает не о возлюбленной, а о месте отхожем. Справедливо, в общем-то. Закон бумеранга в алхимии работает безотказно.

Солнце уже било в высокие окна аудитории, освещая ряды дубовых столов. Студенты постепенно заполняли помещение, и градус коллективного отчаяния повышался с каждой минутой. В воздухе теперь висела не просто скука — в нем буквально плавала взвесь из меловой пыли, едкой вони «Похмельного киселя» и коллективного ужаса перед Гизбертом.

Наш преподаватель. Лепрекон-полукровка, хотя правильнее его было бы назвать «Два локтя зловредности». Отец-лепрекон расщедрился ему на рост чуть выше полуметра и прищуренные зеленые глаза, которые в полумраке напоминали кошачьи. От матери, болотной ведьмы, ему достался тяжелый характер и слегка заостренные уши. Этими локато-

рами он всегда нервно подергивал, сканируя аудиторию на предмет «жертв». Уши начинали жить своей жизнью всякий раз, когда кто-то смел назвать его просто «Гиз». За спиной же ходило «Гис-кис-кис». То ли из-за вертикальных зрачков, то ли за вредность — история умалчивает. Хотя, зная его, второе вернее. Сомневаюсь, что природа создала эти вертикальные щели для красоты — скорее, чтобы удобнее было смотреть на студентов сверху вниз, даже когда ты им по пояс.

Я мазнула взглядом по окну, просто чтобы дать отдых слезящимся от едких паров глазам. С высоты второго этажа открывался вид на внутренний двор. Там, на свежей траве, которую нам, травникам, положено было знать в лицо, а не топтать, красовались боевые маги. Отрабатывали боевые пульсары.

«Счастливые обладатели работающих гормонов и отсутствия мозгов», — тут же включился внутренний голос. — *«И отсутствия необходимости сдавать Гизберту эту дрянь».*

Звонящий металл, ритмичные выкрики, запах мужского пота и паленой кожи... Лирэнна очень живо представила, как развиваются в такт движениям клинка ее длинные темно-медные волосы, и как прекрасно смотрится ее гибкое тело в плотно шнурованном черном корсете.

«Главное, чтобы шнуровка не пережала остатки интеллекта», — тут же ехидно заметил голос разума. — *«А то бить пульсарами научишься, а думать станет скучно. Корсет хо-*

рош на трупе, Лира. В нем удобно только красиво лежать. Попробуй в нем драить столы в "Чешире" или убежать от стражи — застрянешь в первом же заборе».

«Красота!» — мысленно огрызнулась я, машинально втягивая носом вонь из котла соседа. — «Это вам не кожаная куртка, пропахшая кислотой, и шляпка, большие похожая на ночной горшок, который нужно носить, даже если голова под ним чешется так, что искры из глаз!».

Чтобы попасть на факультет боевых магов, мне не хватало сущей мелочи: денег и родословной. Всего одна ошибка семьи, и ни состояния, ни титула. Повезло еще, что на травника взяли! Видимо, решили, что хоть кто-то должен варить им «Похмельный кисель» и лечить ожоги от собственной глупости.

Я проводила завистливым взглядом сквозь неровное стекло две высокие фигуры Фэлоров. Они как раз дефилировали мимо своих же боевых сокурсников. Травники прозвали их «Фэлорами» за цвет глаз — отличное, кстати, название для особо токсичного вида *светло-серой* плесени. Судя по выражению лица Фэлоры, она об этом прозвище знала, и искренне считала, что мир вокруг — это просто декорация к её триумфальному выходу на зеленую травку.

Они прошли мимо копошащихся на лужайке боевиков с таким видом, будто воздух вокруг них должен оплачивать аренду. Точнее, такой вид был только у Фэлоры — надменной, высокой, темноволосой ведьмы со слегка заостренными

ушами.

«Интересно, они у нее от природы такие, или она по ночам вилки втыкает, чтобы лучше слышать заискивающие похвалы?»

Фэлора терпеть не могла две вещи: конкуренток и когда с ней не соглашаются. К счастью для её расшатанной психики, мы с ней не знакомы. Я для неё — просто часть пейзажа за окном. Грязное пятно на стекле аудитории для неудачников.

Ее брат-близнец, Фэлориан, был гораздо более «милым». Ну, как милым... Если сравнивать с Фэлорой, то даже гоблин с похмелья покажется принцем, достойным баллады. Сам по себе он был беспринципным сердцеедом, который менял юных ведьмочек как метлу по весне: без сожалений и, подозреваю, с тем же уровнем «частоты».

— Что, опять пускаешь слюни на боевиков? — бодрый голос Сэйлы, моей соседки по этой крысиной норе, выдернул меня из сладких грез о том, как я перерезаю горло Гизберту его же указкой.

— Я не пускаю слюни, я провожу социологическое исследование, — не открывая глаз, отозвалась я. — Вон у того, — я кивнула подбородком вниз, — меч красивый. Смотри, как солнце играет на гарде.

— А ты знаешь, какие про них с сестрой истории ходят? — продолжала тараторить Сэйла, плюхаясь на соседний стул. И, не дожидаясь ответа, с удовольствием начала множить сплетни. — Ты замечала, как они смотрят друг на дру-

га? А за руки держатся?

— Чего? Зачем бы мне смотреть на их руки?! — не поняла я, потому что сонный мозг отказывался соображать, а желудок требовал булку.

— Говорят, что они ведут себя как пара, а не как брат и сестра!

— Ну и?

— И что у них в семье это даже принято! — Сэйла с ужасом зажала себе рот обеими руками, будто ее сейчас стошнит.

Я же, перегнувшись через подоконник, с интересом уставилась на эту парочку внизу. Просто так. Без задних мыслей. Фэлора в этот момент тормозила брата за темные, стоящие «ежиком» волосы. Мне показалось излишне нежно. *«Показалось»*, — отмахнулась я от своих же неожиданных глупых фантазий. *«А даже если и так, мне-то какое дело?! У меня своих проблем хватает, например, как сдать экзамен, не спалив брови»*.

Я с интересом разглядывала меч на бедре Фэлориана. Удивительно дорогая работа, заклеяленная печатью семи мастеров. Я мысленно примерила на себя облегченную сталь и магические свойства клинка. Замечтавшись, я в ужасе поняла, что машу Фэлориану из окна рукой. Я даже не поняла, как это произошло! А он стоит там, внизу, на зеленой траве, и машет мне в ответ.

Сэйла отдернула меня от окна так резко, что я, потеряв

равновесие, впечаталась спиной в жесткий дубовый стул. Тот с грохотом проехался по полу, чудом не расплескав зелья на соседнем столе.

— Ты чего?! С ума сошла! Тебя его сестрица теперь со свету сживет!

— За что? — не поняла я, машинально потирая плечо, которое она едва не вывернула из сустава.

— За то, что размахивала руками в сторону Риана! Вот зачем? Что это вообще сейчас было?!

— Риана? — уточнила я, мысленно закатывая глаза. *«Риан. Фэлориан. Какая разница, как зовут этого породистого жеребца, если мне все равно мимо той конюшни?»*

— Да его все так зовут, — замешкалась Сэйла. На ее щеках проступил легкий румянец. — И вообще, если уж связываться, то только с приличным магом! А не с этим... отродьем темных эльфов.

— Угу, — ухмыльнулась я. — Где же взять-то приличных? Они все либо женаты, либо мертвы, либо преподают у нас теорию магии. Скучища смертная.

— А чего ты меня не разбудила? — Сэйла перевела тему, которая вдруг стала скользкой, на безопасную. — Я чуть экзаме́н не проспала!

— Так я же дома не ночевала, ты что, не заметила? — удивилась я. — Пришлось кафе драить всю ночь. Кстати, у них закончились тряпки, так что я мыла столы твоей старой ночной рубашкой. Она отлично впитывает кислоту. И, кажется,

немного светится в темноте теперь.

Сэйла проницательно сощурила глаза.

— Так это что, твоих рук дело?

Я подняла на нее совершенно невинные глаза, полные картинного непонимания.

— Рубашка?!

— Вчерашний погром в «Чешуе дракона»! — ноздри Сэйлы слегка расширились. Так принохиваются к запаху свежих булочек, но ее нос чуял свежие сплетни.

— Да-а... В смысле, что? — я максимально глупо захлопала глазами.

— Говорят, туда зашел эльф с маленьким ручным драконом и попросил столик на двоих. А хозяин категорически отказался их обслуживать, потому что он драконофоб.

— Да он жуткий дурак! — возмутилась я. — Меня раздражает такое несправедливое отношение. Да, иногда они плюются кислотой, но в целом это же просто милые летающие ящерки!

«Чаишуйчатые кислотные бомбы с зубами», — услужливо подсказал внутренний голос.

— Милые ящерки?! — Сэйла побледнела так, что её очки на толстой черной оправе стали единственным цветным пятном на лице. — Особенно когда заглатывают тебя целиком!

Сэйлу в детстве укусил дракон, и теперь она их панически боялась. Даже детенышей.

Я пожалала плечами, снимая с рукава невидимую пылинку.

*«Технически, пострадало только меню и новая шелковая ливрея управляющего. И его гордость, но она и так была раз-
мером с мизинец».*

— Ну, технически, пострадало только меню и ливрея. Остальное сделала реакция разбавленного эля на вытяжку из болотной мандрагоры. Я мечтательно закатила глаза, с удовольствием вспоминая, как быстро вспенилась мандрагора (обычно я ей отмывала самые стойкие пятна), случайно смешавшись с разлитым элем. — А не надо было «Дракошку» метлой в морду тыкать! Он от страха на шторы чихнул. Зеленой слизью. Вот тут я точно не при чем!

— Все, хватит! — замахала на меня руками подруга. — Теперь мне эти огнедышащие поганцы будут в каждой чашке кофе мерещиться!

— А ты не пей кофе, — тут же отвесила я дельный совет. — Завари лучше ту дрянь, которой Гизберт «бодрит» нас на практиках. Она хотя бы не пытается отгрызть ручку у кружки.

Сэйла сместила свои огромные очки на кончик носа и выразительно посмотрела на меня поверх них.

— Может, еще и булки не есть?!

— Заметь, я тактично молчу о том, сколько крема ты только что размазала по подбородку, — хмыкнула я.

— Может, это у меня одна из немногих радостей в жизни, — ворчала Сэйла, упихивая себя за свой стол. Склянки с препаратами, стоящие на дубовой поверхности, предатель-

ски зазвенели, угрожая посыпаться на пол.

Тем временем аудитория, которая больше напоминала собор, чем место для учебы, продолжала наполняться. Сводчатые потолки, поддерживаемые тонкими колоннами, уходили в такую высь, что эхо наших вздохов терялось где-то в полумраке. С одной стороны — моей — стену полностью занимали огромные стрельчатые окна. Сквозь них било солнце, освещая ряды дубовых столов и бесконечные стеллажи книг, уходящие под самый потолок. Древние фолианты в кожаных переплетах стояли так плотно, что дерево стеллажей казалось единым темным монолитом.

Красиво. Но закостенело и старомодно. А уж запах бесчисленных зачетов и экзаменов въелся еще лет двести назад и уходить не собирался.

Я обвела взглядом ряды дубовых столов. *«Клуб неудачников по интересам»*, — услужливо подсказал внутренний голос, который больше походил на ехидну.

Мы — обслуживающий персонал. Боевые маги — элита, купающиеся в золоте где-то там, за окном, на свежей траве. А мы варим им зелья, чтобы они могли эту траву поджечь. Справедливо.

Я посмотрела на Сэйлу. *«Политический факультет... Вот где моя соседка была бы на своем месте. Там готовят советников, читай — профессиональных лжецов и интриганов. Сэйла бы вписалась идеально, если бы её не парализовало от страха при виде собственной тени. Но она хотя бы*

научилась бы улыбаться, когда вонзают нож в спину. У нас же на факультете только и умеют, что морищить нос от вони».

«А теоретики? —фыркнула я про себя, глядя на парня за соседней партой, который трясущимися руками пытался зажечь спиртовку. — Зачем они нужны? Чтобы носить мантши и делать умное лицо? По крайней мере, от нас, травников, есть хоть какая-то польза — мы варим им "Похмельный кисель", чтобы их мозг не высох окончательно от чтения пыльных фолиантов».

— Лирэнна!

Я вздрогнула. Гизберт стоял прямо у моего стола. Его вертикальные зрачки смотрели не мигая.

Глава 2

Рецепт катастрофы

— Встаньте, — проскрипел он. Ноги были ватными. Я поднялась, и стул с грохотом опрокинулся назад, чудом не расплескав «Похмельный кисель» соседа. Сэйла за спиной икнула от ужаса.

Липриконт медленно обошел мой стол. Его движения были дергаными, как у марионетки. Он не смотрел на меня — он смотрел на стол, и это почему-то унижало еще сильнее, чем прямой взгляд.

— Так... — его палец с узловатым ногтем постучал по дереву. — Ведомость инвентаризации рабочего места студента. Пункт первый: чистота поверхности.

Он провел пальцем по столешнице. Я затаила дыхание.

— Пятно. Полимеризовавшееся. След от испарений «Зелья стойкого похмелья», — констатировал Гизберт, брезгливо рассматривая кончик пальца. — Минус два балла за неряшливость.

«Минус два балла за то, что твой "Похмельный кисель" — это химическое оружие массового поражения», — молча возражал мой голос разума.

Он наклонился ниже, пригнувшись.

— Пункт второй: личная гигиена. Запах... сторонних ал-

химических производств.

— Это не производство, это подработка! — огрызнулась я, забыв о субординации.

— Минус три балла за пререкание, — его уши дернулись. — И минус пять за то, что от вас пахнет драконом. Вы хоть представляете, какой это аллерген для моего вида?

«Представляю! Примерно такой же, как ты — для моей нервной системы».

— Итого, — он выпрямился, его глаза оказались ровно на уровне моего... Гизберт поперхнулся словом и судорожно дернул ушами, задрав голову еще выше.

«...промежуточного звена эволюции между талией и коленями. Назовем это "зоной риска", иначе снизит балл за распущенность», — услужливо подкинул формулировку голос разума. — *«Интересно, а если я назову это "точкой приложения рычага для опрокидывания липриконов", он засчитает это как физику?»* Пока я вдыхала через раз, боясь, что зубы начнут стучать слишком громко, моя внутренняя ехидна веселилась от души.

— Вы пропустили вчерашнюю перекличку, ваше рабочее место антисанитарно, а ваш внешний вид оскорбляет эстетическое чувство Академии.

«Академии?! — фыркнула внутренняя ехидна. — Да у него лицо цвета того самого болота, где его мамаша нашла себе мужа. Какое уж тут "эстетическое чувство", тут бы санэпидемстанцию вызвать».

Он достал из кармана лабораторной укороченной мантии маленький блокнот в кожаном переплете и что-то туда чиркнул золотым пером.

— Я вынужден доложить о вашем поведении куратору.

По аудитории, до этого затаившей дыхание, прошелестел смешок. Кто-то откровенно фыркнул.

«Куратору? Серьезно? — съехидничала внутренняя ехидна. — О, нет, только не это. Завтра мне с кислой миной мыть полы в "Чешуе". Это ударит по моей производительности! Кому вообще нужны твои баллы, коротышка?»

Я скосила глаза: Сэйла сидела с лицом человека, проглотившего жабу.

Гизберт удовлетворенно кивнул, приняв этот мой жест за повиновение, и, словно поставив галочку в невидимом списке, наконец-то соизволил перевести взгляд с моего пояса на лицо.

— Можете сесть, адептка, — проскрипел он. — Пока что.

«Пока что? — возмутилась ехидна, сделав ударение на слово «что». — А у нас есть какая-то другая опция со стулом?»

Липрикон развернулся на каблуках — движение было дерганым, как у марионетки, — и, кряхтя, направился к своему учительскому столу. Он шел медленно. Слишком медленно. Он упивался каждым шагом. Я это отчетливо видела. Для существа ростом в три фута возможность заставить высоких студентов ждать — это высшее проявление власти.

Он тяжело опустился в массивное дубовое кресло, которое сделало его похожим на ребенка, играющего в учителя.

— Внимание! — потребовал Липрикон, и постучал звонким деревянным пестиком от ступки по столу. Голос у него был скрипучий — именно так, как скрипит дверь, которую забыли смазать года три назад. Мать - болотная ведьма, судя по всему, отдала ему еще и привычку говорить так, будто каждое слово обходится ему в медный грош.

Он неторопясь отложил пестик и, кряхтя, наклонился к выдавшему виды столу. Приложил перстень с руной к верхнему ящику. Тот выдвинулся, обнажив журнал.

— Правила стандартные, — продолжил он, водя пальцем по пергаменту. — Каждый ловит свой билет. Сначала прочитали, потом сварили, потом я смотрю. Смотрю молча. Вопросы задаёте тоже молча.

Он поднял взгляд, и зеленые глаза прошли по аудитории с выражением существа, которое уже слышало и видело всё и ничего не одобрило.

— Кричать, причитать и апеллировать к несправедливости мироздания — бесполезно! (Болотная ведьма в нём явно преобладала). — Можно начинать.

Он перевернул страницу журнала, и билеты, до того мирно спавшие там, встрепенулись и выпорхнули, как испуганные птицы. Они мгновенно разлетелись по залу, нервируя собравшихся. Гизберт наблюдал с каким-то иезуитским кайфом за тем, как студенты опрокидывают котлы и роняют

справочники в попытке изловить свою участь.

Тейс, один из тех, кто побеждает гранит науки не зубами, а упругим местом, на котором обычно сидят, уже трижды подпрыгнул за билетом, всякий раз промазывая с видом человека, которого вселенная принципиально не уважает. Рядом с ним Сэйла, забыв про стучащие зубы, махала руками, как ветряная мельница в ураган, но лишь создавала потоки воздуха, отгонявшие бумажки еще дальше.

Я не торопилась. Наблюдала, пока толпа у соседних столов не превратится в воющий, потный вихрь из форменных кожаных курток, падающих на пол шляп и отчаяния. Воздух гудел от хлопков, похожих на взрывы мыльных пузырей, и отборной ругани. Ступки летели на пол, разбрызгивая содержимое, звенели разбитые баночки с реактивами для будущих зелий, по проходам со стуком разлетались медные пестики.

Гизберт сидел в своем кресле, откинувшись на спинку, и его уши подрагивали от удовольствия, как у кота, слушающего писк мышей.

Когда первичный хаос начал стихать, и большинство студентов обзавелось своими приговорами, я чуть отошла влево — там образовался небольшой водоворот из трёх билетов, которые никак не могли разлететься, — и аккуратно подняла руку. Билет нырнул вниз. Я прихлопнула его второй рукой — он дёрнулся, попытался выскользнуть, отчаянно трепеща крыльями.

«*Бумага определенно ведёт себя весьма нагло для своих скромных размеров!*» Но я держала крепко.

Развернула. Я уставилась в строчку. Потом ещё раз. Потом посмотрела в потолок, где ещё кружились два незадачливых листка... Из тридцати двух возможных вариантов мне досталось именно это. Не зелье от мигрени, не отвар для роста ногтей, не даже банальная сыворотка правды. Нет. «*Приворотное зелье третьей концентрации*». Мне, которая даже толком и не целовалась ни с кем, приворотное! У Вселенной явно утонченное чувство юмора с издевательским уклоном!

Я бросила взгляд направо. Миральда, отличница и гордость кафедры, уже разворачивала свой билет с видом человека, ожидающего подарка на именины. Прочитала. Сморщилась. Потом попыталась сделать вид, что не морщится, но её уши предательски дернулись.

— Что досталось? — шепнула я.

— Мазь от бородавок, — сквозь зубы ответила Миральда.

— Пятого уровня сложности. С компонентом из северного жабьего пузыря. Запах будет стоять неделю.

Я изо всех сил постаралась не улыбнуться. — Сочувствую.

— Не надо, — отрезала Миральда. — Что у тебя?

— Приворотное.

Она помолчала. Потом посмотрела на меня с таким выражением, которое трудно описать словами, но которое примерно означало: *везёт же некоторым*. Я решила не объяснять, что везение — понятие относительное, и вообще, с мо-

ей стороны варить приворотное зелье — это всё равно что просить девственницу написать трактат об искусстве любви по памяти. Теоретически она знает, где у мужчины находится, эм... сердце, но вот с практикой как-то не задалось.

Слева что-то лихорадочно шуршало: Сэйла поймала свой билет в самом конце — он достался ей, только когда паника в аудитории сменилась унылой покорностью. Она развернула пергамент. Лицо у неё стало такое, будто ей сообщили одновременно хорошую и очень, очень плохую новость.

— Антидот от яда болотника, — выдохнула она одними губами, вжимая голову в плечи, словно Липрикон мог подслушать даже её мысли.

— Это же хорошо, — шепнула я, стараясь не ухмыляться слишком широко.

— Это значит, мне надо работать с болотником, — Сэйла передернула плечами так, будто по её позвоночнику действительно прополз слизень. — А я их боюсь. Они... они *скользкие*. И ползают. Даже когда дохлые.

— Он же в склянке. Мертвый.

— Всё равно ползает! — её передернуло с удвоенной силой.

Сзади кто-то сдавленно хихикнул — Гизберт как раз совершал свой первый обход, проверяя, не списал ли кто-то задание прямо с потолка. Его тень упала на мой стол. Я не поднимала глаз, чувствуя, как он нависает, упиваясь моментом. Зеленые глаза с вертикальными зрачками скользнули по

моему развернутому билету, потом по моему лицу. На долю секунды мне показалось, что в них мелькнуло что-то — не то сочувствие к идиотке, которой достался приворот, не то садистское предвкушение.

Он прошел дальше, скрипя подошвами по каменному полу. Я мысленно пожелала ему вечно покупать обувь на размер меньше, желательно из кожи кактуса. Обреченно расправив свой билет, я положила его перед собой и потянулась за списком ингредиентов.

Третья концентрация — это не самое сложное, что я варила, и даже не в первой десятке. Рецептуру я знала наизусть ещё со второго курса: ночная роза, тоскующий папоротник, бла-бла-бла. Проблема с приворотным зельем всегда одна: для по-настоящему убойного эффекта нужен личный опыт. Так сказать, *вдохновение*.

«Интересно, — ехидно заметил внутренний голос, — где мы возьмем этот опыт? Украдем в библиотеке "Камасутру для чайников"? Мои познания в науке страсти нежной ограничиваются тем, как правильно прикладывать подорожник к разбитому сердцу. Боюсь, если я сварю зелье на собственном опыте, объект воздыханий просто побежит в уборную избавляться от несварения — мой опыт пока вызывает исключительно тошноту».

Я без особого энтузиазма взялась за работу. Покрутив перед собой котел, где уже томила «база», я принялась за лепестки ночной розы. Главное правило: не мять. Уложить в

подогретый котёл в один слой.

«Пороговый жар», — всплыло в голове против воли. Липрикон обожал заумные термины, от которых зубы сводило (Не вода, а «двуокисью водорода» — это же надо было додуматься!) Но «пороговый жар» — это было единственное, что старый бюрократ назвал с точки зрения Лирэнны правильно. Температура — едва горячее кожи. Лепестки закружились в базе, которая уже перестала булькать. Огонь на минимум.

Пока роза отдавала цвет, я взялась за папоротник. Корень всегда пах землёй после дождя — не противно, почти уютно. Срезать лишнее. Разрезать поперёк. Дать подышать.

«Главное, не чихнуть», — подумала я, наклоняясь над котлом. — «А то будет не "приворотное", а "зелье внезапной диареи". Хотя... заставить человека сутки не слезать с горшка — это тоже, знаете ли, очень эффективный способ привязать его... правда не к своей персоне, но все равно технически это привязка!»

Сзади у Сэйлы что-то звякнуло. Судя по звуку — склянка с болотником. «Надеюсь, действительно сдохлым», — подумала я, не оборачиваясь. Но воображение тут же подкинуло картинку: болотник размером с большой палец вываливается из разбитого стекла, шлепается на идеально чистый каменный пол аудитории и начинает ползти. Медленно, неотвратно, как уведомление о задолженности из бухгалтерии Академии.

«Спокойно, Лира. Это у Сэйлы просто нервный тик. Или

у болотника остаточные спазмы. Он же всё равно сдохнет, как только она соизволит растолочь его в ступке, если духа хватит».

Я мотнула головой и сосредоточилась на своей работе. Янтарный мёд. Три капли. Густые золотые нити упали в котёл и тут же жадно вцепились в сок папоротника. Смесь пошла плавными кругами — хороший знак. Зелье начало "петь" на низкой, бархатной ноте.

Последней — слеза плакучей ивы. Я достала из кармана свой личный флакон из тёмного стекла. Три семестра назад один умник продавал «настоящую, новолунную» за полторы монеты. Я, конечно, купила — а потом сама проверила по четырём справочникам, что это не разбавленный отвар, от которого растут бородавки. С тех пор я покупаю только у одного поставщика и всегда проверяю.

В качестве «вдохновения» должна сработать. Главное — не переборщить. Если добавить лишнюю каплю, вместо томных вздохов получишь официальный ордер на преследование и покушение на личное пространство.

Ивовая слеза делает привязанность липкой, как хорошая смола: жертва захочет быть рядом каждую секунду, принести кофе и держать за руку. Бедняга решит, что просто внезапно прозрел и осознал глубину моих достоинств, хотя на деле он просто потеряет способность критически оценивать мой слегка помятый после ночной смены вид.

Капля коснулась поверхности и растворилась без следа.

Зелье медленно, почти торжественно начало менять цвет: из бурого в малиновый, из малинового в тот оттенок, который в учебниках поэтично называли «цветом влюблённого заката». Я называла его просто «правильным». Запах — сладкий, чуть душный, как цветочный рынок в жаркий день, когда хочется не нюхать, а упасть в фонтан.

Я сверилась с часами на стене и почти удивилась: сорок минут. Даже меньше, чем обычно. *«Так, зелье готово! Теперь главное — не дать Гизберту повод докопаться до крышки».* Я убрала огонь, отставила котёл и накрыла крышкой — пусть настаивается, пока остальные ещё возятся.

Сзади у Сэйлы что-то отчаянно шипело. *«Надеюсь, это жабий пузырь, а не её последние нервы».* Слева Миральда тихо ругалась сквозь зубы — её компонент, судя по всему, тоже забастовал. Аудитория гудела: шуршали травы, булькали котлы, откуда-то тянуло лёгким дымком чьей-то фатальной ошибки.

Я сложила руки на столе и стала ждать. Ждать я не умею. Это мой главный профессиональный недостаток — я прекрасно умею работать, и отвратительно умею сидеть и не делать ничего. Голова в такие моменты начинает гулять сама по себе, без спроса. И она пошла.

Мысль была такая, что я даже немного испугалась собственной безответственности. Небольшая. Ни к чему не обязывающая. Просто: *а что, если.*

Лунный тимьян. Корень страсти-травы. Оба были у меня

в сумке — я всегда таскаю с собой расширенный набор «на случай зомби-апокалипсиса или внезапной скуки». Лунный тимьян усиливает эмоциональный отклик, страсть-трава — срыывает тормоза. Ни то, ни другое не входит в рецептуру, но оба — допустимы.

«Добавить немного, — шепнул внутренний демон. — Не для силы. Просто для атмосферы. Усилить, так сказать, чисто ради веселья. И профессионального интереса, конечно же».

В конце концов, рецепт третьей концентрации рассчитан на робкие вздохи девственницы за библиотекой. А у меня тут целый факультет. Запертый в аудитории! Воздух уже сейчас густеет от испарений тридцати двух котлов. Если плеснуть тимьяна, здесь станет жарко не только от алхимического огня.

«Тридцать два человека, — мечтательно заулыбалась я. — Включая Маральду с её жабым пузырьём. Представляю: пузырь лопается от страсти прямо у неё в руках, а она даже не замечает, потому что целует воздух. А Сэйла? Бедняжка Сэйла. Она попытается залезть под стол от страха перед болотником, но стол окажется уже занят — кем-нибудь из местных атлетов».

Я обвела глазами аудиторию в поисках таковых.

«Все атлеты на боевом, — вздохнула я и снова уставилась в котёл. — О, наш коротышка-Гиз решит, что он — лев. Заберётся на кафедру и будет рычать на журнал успевае-

мости».

Я читала о мистериях на страницах фолиантов с пометкой «18+». За стенами Академии и не такое вполне реально достать! Да что там фолианты, в стенах Альма-матер ходили страшилки про «корпоративы» преподавательского состава! Правда, я в них не особо верю — преподаватели выглядят так, что их может возбудить только возврат налогов. Но все же... интересно.

Посмотреть, как работает магия массового поражения. Все тридцать два тела, связанные моим котлом. Должна же быть хоть какая-то компенсация за то, что мне, потомку древнего рода, приходится сидеть в этом склепе среди запаха тины и чужого отчаяния. Один раз живем!

Я смотрела на котёл. Потом — на сумку, в которой лежала связка трав. Рука сдвинулась сама по себе. Чуть-чуть. На пару сантиметров. Я остановила её усилием, от которого свело скулы.

«Магический след, — сказала я себе тем голосом, которым отгоняют демонов. — Они отследят его за час. Ты знаешь, что следы от модификаций третьей концентрации держатся до двенадцати часов и читаются любым магом второго уровня и выше».

Липрикон был минимум третьего.

«Без диплома я — никто. Меня не возьмут даже мыть полы в аптечную гильдию. Семейный позор рода Лирэнны в сочетании с отчислением за умышленную магическую прово-

кацию — это уже не дно. Это дно под дном. Это магма».

«Которая вот-вот рванёт», — услужливо добавил голос разума, явно довольный своей начитанностью.

И вулкан рванул... Даже быстрее, чем предполагал ехидный голос внутри меня.

Я убрала руку. Сложила её обратно. Котёл стоял передо мной с видом безупречно приготовленного зелья, которое ничего не подозревает. Малиновый цвет. Сладкий запах. Всё под контролем.

Липрикон прошёл мимо — зелёные глаза мельком скользнули по котлу, по мне, в журнал. Что-то пометил. Прошёл дальше.

Я смотрела на зелье. Слеза плакучей ивы дает кристаллизацию при перегреве... На прошлой неделе я разбила три кружки... Хозяин «Чешуи» вычел их стоимость из жалованья...

Бульк.

Негромко.

Я выразительно посмотрела на котёл.

Бульк. Уже иначе. Решительнее.

Малиновый цвет сделался темнее. Потом ещё темнее. Потом по поверхности пошли кольца. Кольца, которых там быть не должно, потому что огонь я убрала три минуты назад.

«Стоп!» — подумала я. Но котёл, кажется, читать мысли не умел.

«Стоять! — услужливо подсказала внутренняя ехидна. — Ни с места».

«А чем натирали котлы первокурсники, задобряя экзаменационных богов?!» Думать об этом раньше было уже поздно.

Котёл не взорвался. Взрыв — это грохот и осколки. Это то, что бывает, когда первокурсник добавляет серу в кипяток. Мой котёл просто... чихнул. Влажный, сочный хлопок. Как если бы над столом поперхнулся своей же кислотой дракон.

Малиновое облако поднялось вверх. Зависло на секунду. И опустилось на меня. Я даже не успела зажмуриться. (*Хоть рот закрывала! Иначе церемония близкого знакомства со всеми началась бы прямо здесь!*)

Я сидела, хлопая ресницами, а малиновые капли медленно ползли по лицу, по шее, под воротник. Рубашка с шильдиком факультета — единственная чистая, выстиранная позавчера — потемнела и прилипла к плечам.

В аудитории было тихо. Три секунды. Я знаю точно, потому что считала — не специально, просто мозг в ступоре начинает тикать. Один. Два. Три. Потом кто-то сзади хихикнул. Коротко, нервно — и сразу подавился. Как будто понял, что смеяться над преподавателем, превратившимся в хищника, — плохая идея.

Я посмотрела на котёл. Целый. Невредимый. На дне — ни капли. Всё зелье, над которым я работала сорок минут, испарилось в воздух и осело на мне.

Экзамен не засчитают. Это была первая мысль. Не «как», не «почему».

Тридцать два человека. Запертая дверь. Мои фантазии о мистериях больше не казались такими уж забавными.

Липрикон медленно обвел аудиторию взглядом. Его глаза — вертикальные зрачки — скользили по лицам. Считал. Оценивал радиус. *«Он ждет, — поняла я. — Ждет, кто первый сорвется».*

«Или же боится сорваться сам!» — прыснула внутренняя ехидна.

И тишину разорвал грохот. Это рухнул чей-то стол. А потом — щелчок. Словно кто-то сорвал предохранительные клапаны. Толпа пошла вразнос.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.